

О. И. Редькин

АРАБСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ: ДО ИЛИ ПОСЛЕ ИСЛАМА?

Если об арабской эпиграфике до ислама можно говорить с известной степенью уверенности, то о других арабоязычных письменных документах приходится судить на основании косвенных данных.

Известно, что появление письменности на определенном этапе развития социума обусловлено необходимостью точной передачи информации во времени и пространстве. При этом письменные тексты, в отличие от существующих исключительно в устной форме, не подвержены изменениям и позволяют достаточно адекватно воспроизводить зафиксированные в них данные независимо от того, каков хронологический или пространственный интервал между их записью и воспроизведением. Не является исключением и арабская письменная традиция.

Хотя в настоящее время арабская письменность представляет собой относительно однородную структуру (за исключением использования регионально маркированных графем), на начальном этапе арабы использовали письменные системы других языков. По словам О. Г. Большакова, «арабы долгое время не имели собственной письменности». При этом «на юге они пользовались южноарабским письмом, а на севере — различными вариантами арамейского» [1, с. 36].

Возможно также, что формирование арабской графики происходило сразу в двух центрах: у Лахмидов и у Гассанидов [1, с. 36]. Так, при дворе Лахмидов в Хире, «куда съезжались арабские поэты из Северной и Центральной Аравии... по-видимому, впервые арабская письменность приобрела права гражданства и стала употребляться в официальной переписке» [1, с. 24].

При этом наиболее поздние из письменных артефактов (эпиграфических надписей), предшествующих собственно «исламскому» периоду формирования арабской письменной традиции, относятся к 512 г. н. э. [2, р. 6, 7, 13]¹.

В дальнейшем континуум арабской эпиграфической традиции прерывается и получает свое продолжение лишь в первые годы хиджры. Таким образом, начиная с 512 г. н. э. и вплоть до начала VII в. н. э. отсутствуют артефакты, датированные периодом, непосредственно предшествовавшим кардинальным идеологическим и социальным трансформациям в жизни Аравии. Причем первая из известных эпиграфических надписей исламского периода датируется 4-м г. х.², т. е. примерно 626 г. н. э.

Данный разрыв континуума письменной традиции во Внутренней и Северной Аравии, казалось бы, объяснить достаточно просто. В Аравии, прежде всего центральной ее части, передача знаний и духовных культурных ценностей в доисламский период осуществлялась преимущественно в устной форме³, имеющиеся же сведения

¹ Если не считать двуязычной надписи в 60 км от Дамаска, т. е. надписи за пределами Аравийского полуострова.

² В настоящее время под эгидой правительства Саудовской Аравии проводятся интенсивные работы по поиску эпиграфических памятников на территории королевства и их дешифровке.

³ Принято считать, что наиболее яркий пример этого — доисламская поэзия.

© О. И. Редькин, 2012

относительно степени распространения письменной традиции носят лишь опосредованный характер.

В начале VII в. н.э. бесписьменная джахилийская традиция стремительно (в течение двух-трех десятилетий) уступает место культурно-лингвистической доминанте монотеистического общества, характеризующейся формирующейся традицией сакральных письменных текстов; при этом сохраняются отдельные элементы духовной культуры предшествовавшего этапа, такие как фольклор и традиционная поэзия.

На первый взгляд, быстрый переход от одного культурного типа (преимущественно устной традиции) к другому (устно-письменной традиции) сопровождался и стремительным, в отличие от других языков, развитием арабской письменности и ее складыванием в виде, весьма близком к современному. Инновации же, внесенные в систему арабской письменности в первые десятилетия ислама, оказались настолько логичны и мотивированны, что сохранились вплоть до настоящего времени, претерпев лишь незначительные изменения.

В последующие десятилетия арабский язык и арабская письменность постепенно становятся основными средствами коммуникации и на новых территориях халифата, разделяя на начальном этапе эту сферу с арамейским (в Сирии и Палестине) и греческим (в Египте) языками. В свою очередь, на Аравийском полуострове арабская письменная традиция также вытесняет традиционные письменные системы, использовавшиеся на севере и юге полуострова [2, р. 8].

Сторонний наблюдатель вправе предположить, что реализации столь масштабного культурно-исторического проекта, каковым стало развитие арабской письменности, должен был предшествовать весьма длительный период, в ходе которого сложились соответствующие культурные и материальные предпосылки. При этом отличия между различными этапами континуума, выражаемые в формальных признаках (виды графики, принцип письма), должны были быть минимальными.

Вместе с тем, при сопоставлении арабских эпиграфических памятников джахилийского периода (512 г. н.э.) [2, р. 6] с наиболее ранними источниками хиджры (4 г. х. или 626 г. н.э.) [3, р. 240] становится очевидной разница в их графической репрезентации.

В этой связи возникают вопросы относительно того, существовала ли в какой-либо форме арабская письменная традиция на территории полуострова до ислама, а именно во временном промежутке между началом VI в. н.э. и первыми десятилетиями VII в. н.э. (а), и какова вероятность наличия иных, кроме эпиграфических, письменных артефактов, относящихся к данному периоду (б)?

Учитывая все вышесказанное, представляется весьма важным проанализировать саму объективную возможность существования письменной традиции во внутренних районах Аравии в период, непосредственно предшествовавший возникновению ислама, а также факторы, которые могли оказать влияние на ее статус. При этом следует также учесть тот факт, что развитие арабской письменности, как и других графических систем, не представляло собой линейный равномерный процесс, а скорее напоминало извилистый путь, направление которого определялось комплексом факторов лингвистического и экстралингвистического характеров. Как следствие, такого рода нелинейность, определяемая множеством векторов, влияющих на развитие письменности, а также недостаточное количество артефактов и сведений исторического порядка вносят в исследовательский процесс элементы вероятностных оценок [2, р. 4]. Помимо этого очевидна и необходимость рассмотрения развития арабской графики

в контексте экономических, политических, социальных, географических и культурных реалий Аравии в раннем средневековье. В то же время недостаток артефактов эпиграфического характера заставляет исследователя использовать разнообразные сведения, представленные в таких источниках, как классическая (доисламская) поэзия, хадисы, Коран, а также произведения ранних мусульманских авторов.

**Факторы, оказавшие влияние
на развитие письменности во Внутренней Аравии.
Лингвистический и экстралингвистический контексты
развития письменности во Внутренней Аравии**

Несмотря на относительную географическую изолированность в раннем средневековье, Внутренняя Аравия в значительной мере находилась в сфере экономического, военного и культурного влияния Персии, Византии, а также государств счастливой Аравии и, до известной степени, Эфиопии. При этом наряду с оседлым земледелием и кочевым скотоводством существенным элементом местной экономики являлась торговля.

Еще в античности караванная торговля была одним из важнейших компонентов экономической жизни полуострова⁴, а сами торговые пути и центры караванной торговли нередко становились объектами конкуренции субъектов экономического и военного влияния. Так, установление контроля над торговыми путями являлось одной из главных целей военной экспедиции римского наместника Египта Элия Галла в Аравию в 25 г. до н. э.

К VI в. н. э. и в последующие столетия, несмотря на то что транзитная торговля благовониями переживает период упадка, караванная торговля сохраняется, при этом основными товарами становятся кожа и кожаные изделия, ткани, оружие, домашняя утварь, золото и ювелирные изделия, рабы⁵. Другими словами, торговля остается одним из основных компонентов экономики Аравии, в том числе и таких городских центров Хиджаза, как Мекка и Йасриб.

В VI — начале VII в. н. э. относительное единство культурного, информационного и, в известном смысле, лингвистического⁶ пространств в центральной и северной частях Аравийского полуострова в значительной степени поддерживалось именно благодаря системе экономических связей, проявлениями которых были сезонные региональные рынки, а также упомянутая выше караванная торговля, связывавшая между собой различные регионы полуострова, в первую очередь его юг и север.

Действительно, благополучие Мекка была обязана не столько тому, что была идеологическим центром джахилийской Аравии, сколько своему выгодному географическому положению и той экономической роли, которую она играла в этот период. Сакральный комплекс в Мекке, почитаемый различными аравийскими племенами,

⁴ Торговые связи между Внутренней Аравией и югом полуострова существовали еще в античности.

⁵ Распад Римской империи, военное и политическое соперничество между Византией и Ираном повлекли за собой сокращение рынка благовоний и иных предметов роскоши в восточном Средиземноморье и, как следствие, падение спроса на них. Данное обстоятельство стало одним из факторов, негативно повлиявших на экономическое состояние государств счастливой Аравии.

⁶ Если рассматривать племенные диалекты как примеры регионально структурированной реализации единого арабского языка.

удачно дополнялся ярмаркой в Указе, а само поклонение языческим идолам по своей значимости было сопоставимо с реализацией экономических потребностей социума — посещением проводимой в окрестностях Мекки ярмарки. Подобная модель ежегодного паломничества к святым местам и посещения проводимых в их окрестностях торговых ярмарок сохранилась в Аравии и по сей день⁷.

В целом, в Восточном Средиземноморье ситуация, когда храмовые комплексы и рынки располагались в непосредственной близости друг от друга, а храмы помимо выполнения ими функций центров сакрального поклонения являлись одновременно и центрами экономической жизни, имела место не только в раннем средневековье, но и в античности⁸.

В этих условиях регулярные торговые связи означали не только товарообмен, но и обмен информацией, производственными навыками, духовными ценностями, обеспечивали взаимовлияние и взаимное проникновение различных культур, в том числе и лингвистическое. В пользу последнего тезиса свидетельствует наличие многочисленных граффити в северной Аравии вдоль древних караванных путей. В VII в. н. э. данные связи значительно упрочились за счет нового идеологического фактора — ислама.

Лингвистический контекст в доисламской Аравии

Ареал Аравийского полуострова до ислама характеризовался не только наличием многочисленных племенных диалектов, но и имевшей маргинальный характер полиязычностью. О последней можно было говорить вплоть до настоящего времени, как в контексте автохтонных языков юга полуострова, так и в контексте языков, получивших здесь распространение в новое и новейшее время в результате миграционных процессов, что показал А. Ф. Л. Бистон [4].

В раннем средневековье изолированность Аравии от окружающего мира носила достаточно условный характер, если учитывать наличие многочисленных караванных дорог, пронизывавших «остров арабов», а также зоны взаимной культурной и идеологической интерференции, лежащие на его периферии.

Вероятно, еще до ислама племена, населявшие внутреннюю Аравию, были знакомы с письменными системами народов соседних регионов, в частности с южноаравийской (представленной эпиграфическими языками — сабейским, катабанским, химьяритским), а также североарабской (арамейский и набатейский) эпиграфикой, равно как и с документами на арамейском и греческом языках. Результатом такой культурной интерференции стали многочисленные граффити на севере полуострова; что же касается юга полуострова, то здесь эпиграфика развивалась за счет обращения к оригинальным культурно-историческим традициям.

К настоящему времени эпиграфика севера и юга Аравии достаточно хорошо изучена, а корпус опубликованных и описанных надписей увеличивается с каждым годом. При этом лингвистический анализ эпиграфики демонстрирует разнообразие стилей, а также широкий спектр языковых особенностей надписей. Так, в аравийской эпигра-

⁷ Паломничества к могилам святых — зийары, в Хадрамауте сопровождаются ярмарками, где происходит обмен прибавочным продуктом, производственными навыками, культурными ценностями и информацией.

⁸ О чем свидетельствуют многочисленные примеры из Древней Греции и Египта.

фике отмечены различия как в морфологии (использование определенного артикля), так и лексике, что свидетельствует об имевшихся в это время диалектных различиях.

Общими чертами южноаравийской эпиграфики являются консонантный, или силлабический, характер используемых алфавитов, сегментный характер графики, нерегулярное использованием *matres lectionis* и членение на отдельные слова, при этом как у североаравийских, так и южноаравийских граффити направление письма может варьироваться, как, например, в хадрамаутских надписях. Что касается тематики текстов, то она может меняться, но при этом сводится к нескольким основным темам, таким как посвятельные надписи царям, описание побед правителей, изложение регулирующих постулатов социальной и политической жизни.

Следует отметить и тот факт, что эпиграфическая письменная традиция не просто присутствовала на периферии Аравии на протяжении нескольких столетий, но и какое-то время параллельно существовала с собственно арабской системой письма.

При этом если стиль южноаравийских надписей достаточно унифицирован, то в северо-западной Аравии представлено значительное разнообразие как типов, так и техники письма, равно как и наибольшие лингвистические различия между надписями, что свидетельствует о наличии значительного количества социумов, использовавших данные письменные системы. Это говорит также о том, что именно здесь ареалы распространения различных вариантов семитских алфавитов северо-западного типа пересекаются с ареалами дистрибуции алфавитов, близких южноарабским, что и зафиксировано в тексте граффити [5, p. 29].

Исходя из теории культурного параллелизма можно предположить, что явление, имевшее место в рамках одной цивилизации, может существовать и в ином цивилизационном контексте в аналогичных социально-экономических условиях. Однако в случае с эпиграфикой данное положение не всегда имеет универсальный характер.

Несмотря на то что в центральной Аравии до ислама сложилось политическое образование киндитов, обладающее атрибутами государственности, на данной территории отсутствуют артефакты письменно-монументального характера. Действительно, в отличие от южной части полуострова, где монументальные надписи представлены весьма широко, доисламские надписи подобного типа в центральных районах Аравии практически отсутствуют, что обусловлено рядом причин как идеологического, так и материального порядка.

Так, несмотря на то что у киндитов существовало централизованное государство, местный правитель рассматривался не в качестве сакральной фигуры, как это было в абсолютистских государствах в Месопотамии, Египте или царствах Аравии Феликс [5, p. 184], но, скорее, как лидер, близкий по своему статусу к племенному вождю. Еще одной причиной отсутствия монументальных надписей в центральной Аравии являются ограничения, обусловленные наличием природных и материальных ресурсов, лимит которых и стал одной из основных причин отсутствия такого рода граффити [5, p. 184]. Жители Центральной Аравии и, прежде всего, ее городское население, как и жители Леванта, в том числе и богатого Угарита, «инвестировали» пожертвования в саму систему сакрального поклонения, а не в украшения или надписи на храмах [5, p. 184].

Материалы, использовавшиеся для письма на территории Аравии

Характер материалов, используемых для письма, стал одним из факторов, определяющих как формы письменности, так и ареал ее распространения.

Виды применяемых орудий и материалов для письма доисламской Аравии достаточно подробно рассмотрены в ряде опубликованных к настоящему моменту работ [6]. Помимо скал, а также камней, используемых для строительства храмов и дворцов, создания монументальных надписей, номенклатура материалов для письма включала в себя кожу различной степени выделки, деревянные поверхности (таблички), черенки пальмовых листьев или сами листья.

Как отмечает С. А. Французов, «одним из наиболее важных результатов, полученных Советско-йеменской комплексной экспедицией (СОЙКЭ) в течение девяти полевых сезонов в 1983–1991, является открытие примерно 22 черенков пальмовых листьев на раскопках в Райбуне I на западе внутреннего Хадрамаута. Большая часть их (шесть в ходе полевых работ 1986 г. и по крайней мере девять в 1987 г.) были найдены при раскопке частных зданий. Из семи документов, найденных в 1989, шесть были обнаружены в помещении, к востоку от храма богини Заат Химьям (Dhāt Himyam), и еще один был обнаружен к северу от того же здания. Данные хадрамаутские тексты являются единственными древними документами из Южной Аравии, созданными на черенках пальмовых листьев, которые были найдены в ходе научных археологических раскопок. В некоторых случаях, по-видимому, возможно установить корреляцию между временем их создания и развитием местной формы курсивного шрифта» [7, р. 56]. Вместе с тем, имеются данные, что число обнаруженных в последние годы в различных частях Аравии, но еще не систематизированных надписей значительно превышает количество уже описанных и систематизированных.

Еще одним материалом, используемым для письма в средневековой Аравии, вероятно, был папирус, который упоминается и в тексте Корана, кроме того, есть сведения о копиях писем Мухаммада правителям Византии и Бахрейна, также написанных на папирусе.

В качестве материалов для письма использовались ткани, металлические пластинки, что получило достаточно широкое распространение не только на территории Аравии, прежде всего в ее южной части, но и на Ближнем Востоке в целом⁹. Несмотря на наличие значительного числа имитаций и подделок, количество оригинальных табличек весьма велико¹⁰. Существуют также данные об использовании в качестве материала для письма серебряных и даже золотых табличек.

В качестве поверхности для письма использовались и кости животных. Так, Е. А. Резван приводит случай использования верблюжьей лопатки в качестве поверхности для написания одной из сур Корана (артефакт находится в музее Эр-Риада) [8, с. 189].

⁹ Так, например, бронзовые таблички в качестве материала для письма были весьма распространены в южной Аравии, о чем свидетельствуют многочисленные находки в Йемене. В отечественной эпиграфике бронзовые таблички впервые были описаны И. Ю. Крачковским, в дальнейшем их изучение было продолжено А. Г. Лундиным.

¹⁰ На замечания критиков относительно подлинности такого рода артефактов, указывающих на возможность того, что данные таблички могут быть имитациями (копиями) существовавших ранее или просто подделками, можно ответить тем, что такого рода имитации или подделке должен был предшествовать используемый в качестве образца оригинал.

Что касается инструментов для письма, то особый интерес представляет термин «калам», встречающийся в Коране, обычно переводимый как «тростниковая палочка для письма» и, вероятно, являвшийся одним из основных инструментов для письма в средневековой Аравии. Среди инструментов для нанесения письменных знаков следует назвать также найденные в Йемене печати.

Что касается бумаги, то она стала использоваться в качестве материала для письма лишь в эпоху халифата, а первая фабрика по производству бумаги появилась в Багдаде в 790 г. [9, p. 225].

Имела ли доисламская поэзия исключительно устный характер?

Большая часть исследователей полагает, что «главной формой накопления и передачи информации было запоминание и устное воспроизведение», а «письменность в до-мусульманскую эпоху была достоянием очень узкого круга людей: правителей, жрецов, крупных купцов» [1, с. 67]. При этом доисламская поэзия также имела устный характер.

То, что письменная фиксация поэтических памятников состоялась лишь спустя два с половиной столетия после момента их предполагаемого создания, стало одним из основных аргументов скептиков, подвергавших сомнению ее подлинность. Вместе с тем, проведенный анализ поэтической лексики, композиционных особенностей, жанровых характеристик образцов доисламской поэзии указывает как на подлинность такого рода произведений, так и их соответствие определенному временному периоду. Если допустить возможность более поздней фальсификации доисламских поэтических текстов (в момент их письменной фиксации в VIII в.), то при этом необходимо ответить на ряд вопросов. В частности, каким образом собиратели образцов доисламского поэтического творчества, жившие в иной этносоциальной среде, которым были чужды менталитет языческого общества, равно как и большинство доисламских реалий, смогли не только имитировать архаичный поэтический стиль, но и воспроизвести картину жизни Аравии в эпоху джахилии, адекватность которой подтверждается объективными данными?

Остается открытым и вопрос о том, каким образом, не будучи зафиксированным письменно, колоссальный объем поэтических текстов был не просто сохранен в течение двухсот пятидесяти лет, но и передавался в неизменном виде от одного поколения другому вплоть до момента его письменной фиксации, и все это в период, когда шел активный процесс нивелировки межплеменных диалектных лексических различий, а также утраты архаической лексики?

Традиция приписывает приоритет в передаче доисламской поэтической традиции равиам — профессиональным декламаторам, обладавшим исключительной памятью и, вероятно, недюжинными актерскими и ораторскими способностями. Однако адекватная устная передача и воспроизведение значительных объемов устного текста представляются исключительно трудной задачей. При этом она значительно упрощается, если допустить параллельное с устной формой существование и письменной версии.

Подобный пример параллельного устно-письменного существования поэтической традиции можно найти в современном Йемене, где поэтические произведения фактически существуют в двух формах, устной и письменной (рукописные диваны стихов хранятся в частных библиотеках, являясь нормирующим элементом, эталоном текста). Иными словами, подобно тому как созданная письменно нормирующая грам-

матика языка является препятствием на пути лингвистических инноваций, письменные поэтические тексты становятся своего рода «нормирующей грамматикой поэзии», эталонным образцом, без которого они были бы обречены на изменения. В этом случае нельзя полностью исключать возможность существования отдельных фрагментов доисламских поэм, зафиксированных письменно.

Косвенным свидетельством наличия письменных поэтических текстов может быть и то, что, по одной из версий, наиболее известные доисламские касыды, муаллаки, были написаны или вышиты на свитках из ткани, а затем подвешены в Каабе. По другим сведениям эти семь касыд называли также музаххабаат «позолоченные», так как они были вышиты золотом (подобно тому как в первые десятилетия хиджры суры Корана также порой вышивали золотом на ткани)¹¹.

Письменная традиции до ислама

Вероятно, способность читать и писать не была исключительным явлением среди жителей внутренней Аравии, прежде всего городских центров. Трудно себе представить, что экономическая жизнь, и в первую очередь торговля, требующая учета номенклатуры и количества товаров, могла обходиться без письменной фиксации необходимой информации.

Из биографии Мухаммада известно, что до момента божественного откровения он занимался торговлей и, возможно, водил караваны на север Аравии или даже в Палестину. Следует учесть, что в этот период торговые караваны нередко состояли из десятков или сотен верблюдов и перевозили многие виды товаров. Без записи в той или иной форме данных относительно видов товаров, их цены, количества и качества, владельцев, ведения смет расходов и доходов были невозможны успешные торговые операции. Вероятно, элементарные навыки регистрации всех необходимых данных были одним из основных условий успешной профессиональной деятельности караванных торговцев.

Вместе с тем, согласно мусульманской традиции, пророк не умел читать и писать. Таким образом, данный тезис о неграмотности Мухаммада в свою очередь исключает возможность влияния на текст Корана имевшихся на тот период письменных памятников, что подчеркивает сакральность и несотворенный характер текста священной книги мусульман, исключая саму возможность влияния человеческого фактора на процесс его ниспослания.

Однако в тексте Корана имеется и ряд аятов, которые могут указывать на то, что Мухаммад мог быть знаком с навыками чтения и письма¹². Как указывает О.Г. Большаков, «по словам самого Мухаммада, первые фразы Корана явились ему во сне, когда некто (отождествленный потом с Джабраилом) со свитком в руках велел: „Читай!“ Мухаммад трижды отказывался, но, принуждаемый силой, наконец, прочел¹³ написанное. „Когда я проснулся, то эти слова были словно записаны в моем сердце“» [1, с. 72].

¹¹ Следует отметить, что существует и другая трактовка слова *муаллакат* — «нанизанные» (словно жемчужины).

¹² Хронологически первая сура Корана (сура «Сгусток») начинается словами: «Читай, во имя Господа твоего, который сотворил» [10, IVC, 1]. В этой же суре встречается и упоминание калама, тростниковой ручки, используемой для письма.

¹³ Курсив наш. — О.Р.

Следует отметить, что арабский глагол *катаба* «писать» неоднократно встречается в Коране. При этом право записывать принадлежит, прежде всего, Аллаху, записывающему в вечной книге, или его посланникам [10, IX, 122; IV, 83; X, 22].

В Коране владение навыками письма рассматривается не только как право, но и как обязанность простых людей. Так, в суре «Корова» регламентируется процедура предоставления имущества в долг и составления письменных документов займа. Вероятно, кодифицируется процедура, в той или иной форме существовавшая и ранее, т. е. до ислама [10, II, 282].

Как правило, исследователи хронологически ставят знак равенства между широким распространением письменной традиции в Аравии и возникновением ислама, что вполне объяснимо, так как основным дошедшим до нас арабоязычным письменным памятником того периода является текст Корана.

В процессе развития арабской письменной традиции переломным этапом стала запись Корана, сначала в форме разрозненных фрагментов, а затем и в виде единого унифицированного текста. Возникновение ислама ознаменовало и качественно новый этап в развитии аравийской письменности, характеризуемый стремительными количественными и качественными изменениями, стало толчком к распространению грамотности и арабской графики не только на территории полуострова, но и далеко за его пределами.

Что же касается доисламского периода, то, вероятно, умение писать и читать тогда не было исключением, а представляло собой достаточно распространенное явление, причем сама арабская графика в той или иной форме могла использоваться в официальной переписке, записях, касающихся торговых и финансовых операций, а также в повседневной жизни. Детализировать наши знания относительно данного периода смогут лишь артефакты, обнаруженные в ходе будущих археологических раскопок.

Литература

1. *Большаков О. Г.* История халифата: в 4 т. М.: Наука, 1989. Т. 1. Ислам в Аравии, 570–633. 312 с.
2. *Abulhab S. D.* Roots of Modern Arabic Script: from Musnad to Jazm // *Dahesh Voice*. 2009. 50 & 51.
3. *Miles G. C.* Early Islamic Inscriptions Near Ta'if In The Hijaz // *Journal Of Near Eastern Studies*. 1948. Vol. VII. P. 236–242.
4. *Beeston A. F. L.* Languages of Pre-Islamic Arabia // *Arabica*. 1981. Vol. 28, N 2–3. P. 178–186.
5. *Kelle B. E., Moore M. B.* Writing and Ancient Near East Society: papers in Honour of Alan R. Millard. New York; London: T&T Clark, 2005. 319 p.
6. *Maraqten M.* Writting Materials in Pre-Islamic Arabia // *Journal of Semitic Studies*. 1998. XLIII/2 Autumn. P. 287–310.
7. *Frantsouzoff S. A.* Hadramitic documents written on palm-leaf stalks // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 1999. Vol. 29. P. 55–65.
8. *Резван Е. А.* Коран и его мир. СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. 601 с.
9. *Beeston A. F. L.* Arabian sibilants // *Semitic Studies*. 1962. Vol. 7. P. 222–233.
10. Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 714 с.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.